

Анри Лефевр

ПОВСЕДНЕВНОЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ¹

Прежде чем ряд революций ознаменовал собой приход так называемой современности, жилье, одежда, пища и питье — коротко говоря, образ жизни — были в чрезвычайной степени разнообразны. Не подчиненный какой-либо одной системе, образ жизни различался в зависимости от региона и страны, слоя и класса населения, доступности природных ресурсов, времени года, климата, профессии, возраста и пола. Это разнообразие никогда в полной мере не осознавалось и не распознавалось как таковое; оно сопротивлялось рациональному объяснению — подобное объяснение возникло только в наше время благодаря разрушению самого разнообразия. Сегодня мы являемся свидетелями общемировой тенденции к унификации. Господствует рациональное, ему сопутствует, но не разнообразит его, иррациональное; знаки (по-своему рациональные) прилагаются к вещам, свидетельствуя о престиже их обладателей и о месте последних в социальной иерархии.

ФОРМЫ, ФУНКЦИИ И СТРУКТУРЫ

Что же произошло? Существуют (и всегда существовали) формы, функции и структуры. Вещи и институции, «объекты» и «субъекты» предстают перед чувствами в доступных и распознаваемых формах. Люди, по отдельности или в группах, выполняют разнообразные функции, как физиологические (еда, питье, сон), так и социальные (работа, путешествие). Структуры — естественные и социальные — допускают публичное или приватное исполнение этих функций; однако здесь существует радикальное, коренное отличие — эти формы, функции и структуры раньше не были предметом познания и именования. Одновременно и связанные друг с другом, и различающиеся, они были частью недифференцированного целого. Посткартезианское аналитическое мышление часто проблематизировало эти конкретные «тотальности»: каждое исследование природной или социальной действительности предполагало наличие некоторого сопротивляющегося

¹ Данный текст был впервые написан А. Лефевром в качестве статьи («Quotidien et Quotidiennet») для *Encyclopaedia Universalis*; переведен Кристиной Левих на английский и опубликован в журнале Йельского университета: Lefebvre H., Levich C. *Everyday and Everydayness* // *Yale French Studies*. — 1987. — Vol. 73. — P. 7–11.

анализу остатка, и совокупность таких феноменов, неизбывных и неустрашимых человеческой мыслью, была объектом бесконечного осмысления — резервом мысли божественной. Каждое сложное «целое» — от простейшего орудия до величайших произведений искусства и науки — обладало, следовательно, символической значимостью, связывающей его с предельными ценностями — божественным и человеческим, властью и мудростью, добром и злом, счастьем и невзгодами, непреходящим и эфемерным. Эти величайшие ценности сами по себе различались в зависимости от исторических обстоятельств социальных классов, правителей и учителей. Каждый объект (стул и предмет одежды, кухонная утварь и здание) тем самым был отмечен некоторым «стилем» и, соответственно, в качестве изделия обладал (одновременно скрывая их) более широкими функциями и структурами, являющимися интегральной частью его формы.

Что же изменилось? Функциональные элементы были разделены, рационализированы, стали производиться промышленным способом и затем принудительно вменяться и навязываться посредством рекламы и могущественных экономических и политических лобби. Взаимосвязь формы, функции и структуры не исчезла. Напротив, она стала декларироваться, производиться *как таковая*, как все более и более наглядная и явная, как провозглашаемая и предьявляемая в прозрачных отношениях этих трех элементов. Объект эпохи модерна ясно говорит о том, *что* он есть, о своей роли и о своем месте. Но это не предотвращает его переоценки, увеличения числа знаков его значимости: знаков удовлетворения, счастья, качества, материальной ценности. Будь то кресло, кофемолка или автомобиль — сегодня триумвират формы, функции и структуры очевиден и отчетлив.

В рамках этих параметров возникли многочисленные системы и подсистемы, каждая из которых устанавливает на свой собственный манер более или менее устойчивый набор более или менее постоянных объектов. Например, в архитектуре множество локальных, региональных, национальных архитектурных стилей уступили место «архитектурному урбанизму», универсализированной системе структур и функций, по общему мнению, воплощенных в рациональных геометрических формах. То же верно относительно промышленно производимых продуктов: система группирует их относительно различных функционально специфичных предметов домашней утвари, таких как холодильник, морозильная камера, духовой шкаф и т. д. И конечно, тотализирующая система, созданная вокруг автомобиля, по-видимому, готова принести в жертву все общество ради своего господства. Случилось так, что эти системы и подсистемы имеют тенденцию вырождаться и выходить из строя. И не подходит ли к своему концу эпоха самих автомобилей?

По некоторым причинам жилище, одежда, пища тяготеют и тяготеют к тому, чтобы образовывать автономные подсистемы, закрытые друг от друга. Каждая из них стремится произвести впечатление такого же великого разнообразия, каким обладали прошлые стили жизни, стили жизни досовременной эпохи. Но это только кажущееся многообразие. Как только

господствующие силы, дающие возможность этим элементам комбинироваться, познаны, искусственный механизм их группирования становится очевиден, а идиотизм их многообразия — нестерпим. Система терпит крах.

Все подобные системы объединяет общий закон функционализма. Следовательно, повседневное можно определить как набор функций, которые связывают и объединяют системы, кажущиеся различными. Понятая так повседневность есть продукт, главнейший из продуктов в эпоху, когда производство порождает спрос, когда производители манипулируют потребителями: не «работники», а менеджеры и собственники средств производства (интеллектуальных, инструментальных, научных). Повседневность — это, следовательно, наиболее универсальное и одновременно единственное в своем роде условие, в наибольшей степени социальное и одновременно наиболее индивидуализированное, наиболее очевидное и наилучшим образом скрытое. Условие, необходимое для удобочитаемости форм, предписанное средними значениями функций, вписанное в структуры, — повседневность задает платформу, на которой возводится бюрократическое общество контролируемого консьюмеризма.

ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ

Следовательно, повседневность — это концепт. Для того чтобы стать таковым, реальность, которую он обозначает, должна была начать доминировать, а прежние страхи дефицита — «дай нам днесь хлеб наш насущный» — исчезнуть. До недавнего времени вещи, мебель, здания создавались индивидуальными, и каждая вещь имела отношение к принятым моральным и социальным взаимосвязям, к символам. К XX столетию все эти связи исчезли, в том числе величайшая и древнейшая фигура Отца (будь то вечного или находящегося во времени, божественного или земного). Как постигнуть это экстраординарное и все еще недостаточно понятое обстояние вещей? Крах связи с моралью, историей, природой, религией, городами, пространством; даже крах перспективы в ее классическом смысле пространственности, крах тональности в музыке... Изобилие — рациональное, запрограммированное изобилие и планируемое «моральное устаревание» товаров — пришло на смену дефициту в первом мире; произошла разрушительная колонизация третьего мира и в конечном счете самой природы... Повсеместность знаков; всеобщая война и насилие; революции, вспыхивающие одна за другой только для того, чтобы перерваться или обратиться против самих себя...

Устоявшаяся и застывшая повседневность — это единственный оставшийся референт и точка отчета здравого смысла. «Интеллектуалы» же ищут свою систему координат в других местах — в языке, дискурсе, иногда в политической партийности. Здесь мы предпринимаем попытку расшифровать современный мир, эту кровавую загадку, с помощью кода повседневности.

Концепт повседневности, следовательно, не означает систему, но, скорее, является знаменателем, общим для существующих систем — юридической, договорной, педагогической, финансовой, правоохранительной. Баналь-

ность? Но почему исследование банального должно само быть банальным? Не является ли сверхъестественное, поражающее, даже магическое частью реального? Почему бы концепту повседневности не раскрыть экстраординарное в обычном?

ПОВТОРЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ

Определенный таким образом, концепт повседневности делает более понятным прошлое. Повседневная жизнь существовала всегда, даже если ее формы были предельно отличны от наших собственных. Суть повседневности всегда заключалась в повторяемости и маскировалась желаниями и страхом. В исследовании повседневности мы открываем серьезную проблему повторения, одну из сложнейших проблем, стоящих перед нами. Повседневность расположена на пересечении двух типов повторения: циклическом, которое доминирует в природе, и линейном, преобладающем в процессах, называемых «рациональными». Повседневность, с одной стороны, предполагает циклы — день и ночь, времена года и сельскохозяйственной активности, деятельность и покой, голод и насыщение, желание и его удовлетворение, жизнь и смерть, — с другой стороны, она включает в себе повторяющиеся действия труда и потребления.

В современной жизни эти повторяющиеся действия маскируют и разрушают циклы. Повседневное несет с собой монотонность. Монотонность — константа тех изменений, которые повседневность содержит в себе. День следует за днем, один не отличается от другого, и все же — в этом заключено фундаментальное противоречие повседневности — все изменяется. Однако изменение происходит согласно программе: устаревание запланировано. Производство предвосхищает воспроизводство; производство производит изменения таким образом, чтобы привнести впечатление скорости в монотонность. Одни жалуются на то, что время бежит все быстрее и быстрее, другие на то, что ничего не изменяется. Обе точки зрения верны.

ПАССИВНОСТЬ ОБЩАЯ И ПАССИВНОСТЬ ОСОБАЯ

Общий знаменатель типов деятельности, локус и среда человеческих функций, повседневность можно также анализировать как нечто унифицирующее основные сферы социальной жизни: работу, семью, частную жизнь, досуг. Эти сферы, хотя их формы и различны, обладают на практике структурным сходством, позволяющим нам раскрыть то, что их объединяет, — организованную пассивность. В досуге это означает пассивность зрителя перед образами и ландшафтами; на рабочем месте — пассивность перед лицом решений, в принятии которых работник не участвует; в частной жизни это означает навязывание потребления, поскольку нашим выбором управляют, а потребности создаются рекламой и маркетинговыми исследованиями. Кроме того, эта общая пассивность распределена неравномерно. Она сильнее давит на женщин, приговоренных к повседневной

жизни; на рабочий класс, на работников, не являющихся технократами; на молодежь — коротко говоря, на большинство людей, — хотя никогда одним и тем же образом, в одно и то же время, никогда одновременно на всех.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Повседневность лежит под поверхностью: поверхностью современности. Газетные новости, бурлящая аффектированность искусства, моды и сенсаций скрывают бессмыслицу повседневности, никогда не уничтожая ее. Индустрия образов, кинематограф, телевидение «отклоняют» повседневность, по временам предлагая ей картину ее самой, иногда — зрелище чего-то в корне от нее отличающегося; насилие, смерть, катастрофы, жизнь королей и «звезд», т. е. тех, кто, как нас стремятся убедить, бросает вызов повседневному. Современность и повседневность составляют глубинную структуру, которую критический анализ может вскрыть.

Такой критический анализ повседневности сам артикулируется несколькими противоречащими друг другу способами. Одни проявляют нетерпимость по отношению к повседневному: они желают «изменить жизнь», и немедленно; они хотят всего и сразу! Другие полагают, что опыт обычной жизни не является ни важным, ни интересным, и вместо того, чтобы пытаться понять его, следует его минимизировать, взять в скобки, чтобы расчистить место для исследований науки, техники, проблем экономического роста и т. д.

Первым можно ответить так: изменение повседневности требует определенных условий. Нельзя порвать с повседневностью посредством некоей экзальтации, будь то мирной или насильственной. Чтобы изменилась жизнь, должны быть изменены общество, пространство, архитектура, даже город. Вторым можно ответить следующее: недопустимо сводить значение «проживаемого опыта» к нулю, понимать неадекватность ханжеского гуманизма не означает смотреть на людей как на насекомых. Из-за того, что в нашем распоряжении находятся колоссальные технические средства и по причине ужасных опасностей, ожидающих нас в будущем, мы в таком случае рискуем отказаться от гуманизма «человеческого» только ради того, чтобы войти в область «сверхчеловеческого».

Перевод с английского Владислава Софронова